

НЕ ТРОГАЙ ЗАВТРА

КРИСТИНА НАЙТ

крестина найт

Не трогай Завтра

<https://litres.ru/74682623>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём улыбнулся — совсем чуть-чуть, только уголком губ.

И от этой улыбки, Лизе показалось, что внутри у неё что-то медленно распускается, как цветок после долгой зимы.

— Слушай, — сказал он вполголоса, словно не хотел, чтобы кто-то ещё это услышал.

— Вчера... твои карты. Они ошиблись. Я не люблю другую. Я... я люблю тебя. Лизу.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

кристина найт

Не трогай Завтра

Глава 1

Комод

Комод стоял в бабушкиной спальне с тех пор, как себя помнила еще мама. А может, и дольше — может, его привезли, когда родилась сама бабушка, а может, и вовсе он был здесь всегда, как труба отопления или оконная рама, и комната строилась вокруг него, а не он вносился в комнату. Он был из тёмного дерева — не орех, не дуб, а что-то непонятное, с разводами, похожими на тёмные вены на бледной коже. Пах он нафталином, старым деревом и ещё чем-то, чему Лиза не знала названия. Когда она бывала в больнице у бабушки — перед тем как бабушка умерла, — комод пах так же, как больничный коридор. Не хлорка, не лекарства — а что-то под ними, глубже, как пахнет само здание, когда в нём долго болеют.

Но ей было шесть, и она не знала этого. Она знала только, что бабушка умерла три дня назад, что мама плачет на кухне, что в квартиру набилось много людей и все говорят громко, а потом — тихо, как будто их переключают. И что ей, Лизе,

сказали «иди поиграй в спальне, не мешай». Она и пошла.

Бабушкина спальня была маленькая и тёплая. Батарея под окном шипела — где-то в трубе был воздушный пузырь, и вода протискивалась мимо него с присвистом, будто труба дышала.

На подоконнике — три фиалки в жестяных банках из-под консервированной фасоли. Две цвели, третья засохла, но бабушка не выбрасывала — говорила, «весной отойдёт». Не отошла.

Окно было затянуто марлей от комаров, хотя сентябрь на дворе и комаров уже не было, но марлю не снимали — зачем, зима скоро, всё равно никто не открывает. Сквозь марлю свет падал мягкий, желтоватый, и пылинки в нём висели, как в воде, двигаясь медленно, в никуда.

Кровать была застелена: покрывало с кистями, бахрома которой касалась пола. Лиза знала, что под кроватью ничего нет — она проверяла, когда была маленькая. То есть когда была совсем маленькая, четыре года. Сейчас она большая, и под кровать не заглядывает. Но всё равно — краем глаза, когда проходила мимо — проверила. Тень. Обычная. Ничего.

Она подошла к комоду.

Комод был высокий, в три ящика. Верхний — чуть перекошен, не закрывался до конца, и в щель была видна темнота. Ручки — латунные, тусклые, с зелёным налётом на выпуклостях, там, где пальцы реже касались. Лиза потянула верхний ящик. Не открылся. Потянула сильнее — он дёрнулся и встал. Застрял. Она упёрлась ногой в стенку комода (стенка была тёплая — от трубы за ней, или от самого дерева, она не поняла) — и рванула. Ящик выскочил с хрустом, будто кто-то хрустнул пальцами изнутри.

В ящике лежали: платок с узором (павлиньи глаза, синие, как будто следят), две катушки ниток — белая и чёрная, напёрсток, игольница в форме томата (выцветшая, как помидор, который пролежал на солнце), и конверт с фотографиями. Лиза не стала смотреть фотографии. Не потому что не хотела — а потому что в этот момент увидела, что за конвертом, в углу ящика, что-то блестит. Тускло, не металлом — чем-то другим. Она сунула руку.

Карты.

Колода была не большая и не маленькая — как игральная, но чуть уже. Она не сразу поняла, что это карты — рубашка была тёмная, почти чёрная, с золотым узором, и узор был такой мелкий, что вблизи казался не нарисованным, а

выдавленным, как будто кто-то иголкой процарапал линии в лаку. Узор был — нет, не паутина. Сначала она подумала — паутина. Потом присмотрелась. Это были спирали, одна в другой, как круги на срезе дерева. И в центре — крошечный глаз. Или точка. Или глаз.

Она перевернула первую карту.

Лицо. Не игральное — не дама с цветком, не король с бородой. Лицо было нарисовано акварелью, тусклой, выцветшей, и лицо было — обычное. Женское. Молодое. Но глаза — не нарисованы. Глаза были пустые, белые, как будто их забыли дорисовать. Лиза перевернула вторую карту — дерево, тёмное, без листьев, с корнями, уходящими за край карты. Третья — рука, раскрытая ладонь, и на ладони — линии, как для гадания, но линий слишком много, они пересекались и путались, как нитки в бабушкином ящике. Четвёртая — лестница, уходящая вниз, и под лестницей — тень. Не от лестницы. Другая.

Карт было пятьдесят две. Она пересчитала дважды, потому что впервые в жизни ей захотелось быть точной. Не тридцать шесть, как в обычной колоде. Не семьдесят два, как в Таро (она знала про Таро — видела в мультике). Пятьдесят две.

Она села на пол. Пол был деревянный, крашеный, с трещиной посередине, в которую она в детстве просовывала горошину — интересно, куда падает. Сейчас трещина казалась глубже, словно зияющая рана на старом дереве. Она села по-турецки, поджав под себя ноги, и разложила карты перед собой. Не как расклад, не для гадания, а просто в ряд, лицом вверх. Одна за другой. И смотрела.

Некоторые карты были красивые — цветы, птицы, дома. Некоторые — страшненькие, по-детски: череп (нарисован не страшно, а неловко, как будто художник не знал, как выглядит череп, и рисовал по памяти), ключ, разбитое зеркало, в котором отражалось что-то, чего не было в комнате. Одна карта была пустая. Совсем. Белая. Лиза тронула её пальцем — и бумага была не как у других карт. Другие — шершавые, тёплые, как старое сукно. Эта — гладкая, холодная, как стекло. Она перевернула её — рубашка была такой же, чёрно-золотая, но золотая спираль на ней была чуть ярче, будто новее, будто эту карту не трогали.

Лиза неумело тасовала карты, по-детски, словно блинчики, смешивая их. Половина колоды рассыпалась, и ей пришлось собирать их заново. Карты казались легкими, почти невесомыми, но стоило ей взять их в ладонь, как рука чуть опускалась, будто они разом тяжелели. Лиза списала это на усталость: день выдался долгим, бабушка умерла, мама пла-

кала, а голоса вокруг то звучали громко, то затихали.

Она собрала все пятьдесят две. Проверила — пятьдесят две. Перетасовала. Разложила снова — уже не в ряд, а как на картинке в мультике про цыганку: три карты, потом ещё три, потом ещё. И стала смотреть, что получилось. Ничего не получилось — просто картинки, и она не знала, что они значат. Но ей было спокойно. Карты пахли — старым деревом, нафталином, и ещё чем-то. Тёплым. Бумага нагревалась в её ладонях, и запах усиливался.

— Лиза!

Мама. Голос из коридора. Лиза вздрогнула — как будят от сна, в котором ничего не снится. Карты взлетели, она поймала колоду, прижала к себе.

Мама стояла в дверях. Лицо у неё было — нет, не злое. Того хуже. Пустое. Как будто лицо было, а мама ушла куда-то внутрь себя и забыла вернуться. Глаза красные, нос блестящий, волосы выбились из заколки — но это всё привычное, мама плакала уже три дня. Она смотрела на карты. На руки Лизы, на колоду. И что-то в её лице — не изменилось, нет. Замерло. Как кадр в кино, который поставили на паузу, и все бегут, и бегут, и бегут, а этот кадр — стоит.

— Откуда у тебя это?

— В комоде, — сказала Лиза. — В верхнем ящике.

Мама не вошла в комнату. Стояла в дверях, как будто не могла, как будто порог был высокий, или там стена невидимая. Потом — медленно, как будто каждое слово вытаскивала из воды:

— Убери на место.

И ушла. Не убрала сама. Не подошла. Не взяла карты. Не тронула. Просто сказала — и ушла, и коридор поглотил звук её шагов, и кухня загудела голосами опять, кто-то налил чай, кто-то сказал «спасибо», чашка звякнула о блюдец — обычное, бытовое, маленькое.

Лиза посмотрела на карты. На рубашку. Чёрная, золотая спираль, и в центре — точка. Или глаз. Она наклонила ближе. Точка была не точкой. Внутри неё — ещё одна спираль, ещё мельче. И внутри — ещё. И ещё. Как будто можно было смотреть в неё бесконечно, и каждая спираль раскрывалась в следующую, и следующую, и следующую...

Она моргнула.

Убрала карты в ящик. Задвинула — с тем же хрустом, но теперь хруст был тише, как будто ящик принял карты, как рука принимает ключ в замок. Щёлкнул. Лиза встала, отряхнула коленки — на одной была прилипшая горошинка, она сдула.

На подоконнике фиалка — та, засохшая — стояла в банке из-под фасоли. Лиза посмотрела. Листок — жёлтый, скрученный. Но у основания, у земли, где-то в тёмном комке — зелёное. Крошечное, как горошинка. Росток. Новый. Бабушка была права — весной отойдёт.

Лиза вышла из комнаты. Закрыла дверь. Дверь закрылась мягко, как будто сама. В коридоре пахло пирогами — кто-то принёс пироги, и мама говорила «спасибо», и тётя Вера говорила «на, поешь, надо есть», и кто-то наливал, и кто-то говорил, и всё было как обычно. Как бывает, когда умирает человек: люди едят. Говорят. Наливают. И всё — как обычно. Почти.

В спальне, за закрытой дверью, в верхнем ящике комода, карты лежали. Пятьдесят две. Ровно. Тихо. И верхняя — та, с пустым лицом и белыми глазами — лежала лицом вверх. Лиза помнила, что положила её лицом вниз. Она помнила точно. Она всегда клала рубашкой вверх, как в новой колоде из магазина. Но карта лежала лицом вверх. И глаза — белые,

пустые, не нарисованные — смотрели в потолок. Или в щель ящика. Или — через щель, в пол, в комнату, в дверь, в коридор, туда, где Лиза шла на кухню, где пахло пирогами и люди говорили громко, а потом тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.